

Умер Сергей Аверинцев

Выдающийся русский филолог и мыслитель скончался в Вене на 67-м году жизни

*Незавершенная 2004-25
собр. - с. 8.*

*Неотразимым острием меча,
Отточенного для последней
битвы,
Да будет слово краткое
молитвы
И ясным знаком – тихая
свеча.
Да будут взоры к ней
устремлены
В тот недалекий, строгий
час возмездья,
Когда померкнут в небесах
созвездья
И свет уйдет из солнца и луны.*

Поэтическое творчество не было самой сильной стороной дарования Сергея Аверинцева, но в каждой его поэтической строчке все равно видна личность. И если можно так сказать – направление личности. Направление его размышлений, вектор тех дум, которые заставляли его заниматься то переводами, то какими-то серьезнейшими филологическими и философскими изысканиями.

Сейчас, когда Аверинцева уже нет с нами, почти всякий, кто задумывается о нем и кто пишет о нем свое прощальное слово, задумывается над тем, как в одном или нескольких словах определить род его занятий. Как сказать: «умер великий ученый»? Или – «умер доктор филологических наук, переводчик»? А если просто сказать, что умер Аверинцев, у большинства это сообщение не вызовет душевного трепета, так как Аверинцев не был мыслителем для всех и человеком для всех, хотя сам он был лишен какого-то снобизма и, когда говорил, слово его было доступно и для тех, кто был глубоко погружен в какие-нибудь тонкости античного стихосложения, и для тех, кто только-только подступался к чтению. При этом интересен он был и тем, и другим.

Аверинцев – из породы русских умников, что в отечественной традиции равно энциклопедическому знанию. В разные го-

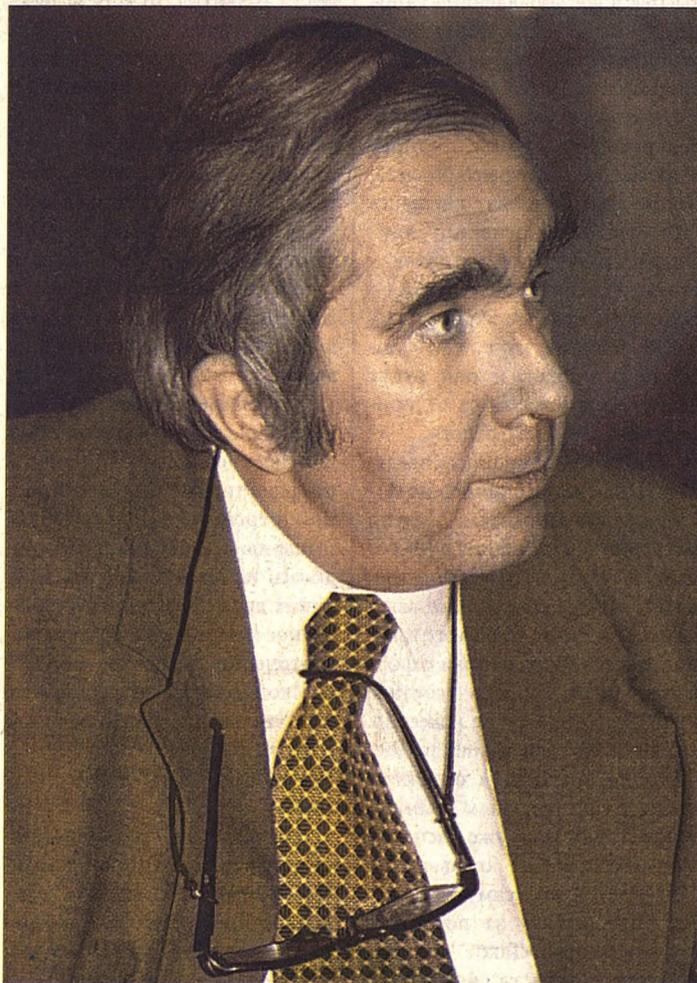
ды он писал труды по истории и литературе позднеантичной, раннехристианской и средневековой эпох, философии и поэзии русского Серебряного века, русской религиозной философии. Был одним из авторов и редакторов знаменитого двухтомника «Мифы народов мира», вышедшего еще до начала перестройки,

что кое-что становится понятнее, яснее, он углублялся на какие-то немислимые глубины. Находил ли он ответы на свои первые и одновременно последние вопросы? Вряд ли мы узнаем теперь об этом. Но «попутно» он получил ответы на множество других. И эти, другие ответы – в его немногих изданных книгах, в

язычным. Он заметно картавил, говорил чрезвычайно неспешно, даже медленно (все – следы еще детских болезней). Но эта медленно разворачивающаяся речь взораживала, как проповедь, как умиротворяющая и мерная стихия. Все его недостатки со временем стали восприниматься как особая манера. Аверинцева, вероятно, и можно назвать человеком манеры, особого стиля.

Любопытно, что слава достигла его задолго до перестройки. Для многих он был, если угодно, примером счастливого сочетания глубокой религиозности и высокой научности, даже идеальной фигурой такого единства, которое во всяком случае внешне было лишено какого-либо противоречия (хотя в годы советской власти эти понятия были безусловно разведены, поставлены в оппозицию друг к другу). Он даже не был диссидентом, утверждая таким образом возможность, прошу прощения, подцензурного и одновременно свободного от цензуры вероисповедания. Однажды, по-интеллигентски сомневаясь в своем праве говорить о нем, Аверинцев назвал покойного отца Александра Меня миссионером для племени интеллигентов. Сам Аверинцев тоже может быть назван таким миссионером, интеллектуалом и проповедником, так как его путь и его опыт располагали к подражанию, он убеждал в том, что физическое нездоровье ни в коем случае не может помешать силе духа и духовному же самосовершенствованию. Даже поразительно, откуда такая сила духа могла появиться, возрасти в человеке, который родился в самый страшный год советской истории – в 37-м.

Он умер в Вене, где жил и преподавал в последние годы. Согласно последней воле Аверинцева, его тело будет кремировано, а прах захоронят на Даниловском кладбище в Москве. ■

Сергей Аверинцев.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото).

и главным редактором энциклопедии «Христианство». Переводил античные и христианские тексты. Он интересовался многими вопросами и в каждом, кажется, умудрялся добраться до самой сути. Но самые разные предметы интересовали его, пожалуй, с одной-единственной точки зрения – с точки зрения тайны бытия. И если ему каза-

ли изданных и неизданных переводах, в его собственных стихах, в его устных выступлениях, воспоминания о которых остались у всех, кому посчастливилось быть свидетелями.

Поразительно, что самые лучшие ораторы редко когда и редко в каких краях отличались идеальным произношением. Аверинцева в пору назвать косно-